

МОЙ ОСТРОВ ХАРЛОВ

Олег ПЕРШИН, натуралист, путешественник, фотограф.

...Уж чего-чего, а глухих, диких, труднодоступных мест в нашей стране хватает, и прежде всего это касается островных территорий России. Труднодоступных не в смысле удалённости от цивилизации — речь о сочетании природно-географических факторов. Место может быть «всего-то» в паре-тройке тысяч километров от «центра», но добираться до него с большим трудом. А иной раз летишь в вожделенный уголок тремя самолётами, потом плывёшь кораблями, но логистически всё складывается оптимально и без нервотрёпки. В этом ли дело? Зачем вообще стремиться в такие места путешественник, какую цель преследует его пытливая душа?

На карте Мурманской области внимание в первую очередь привлекает побережье Кольского полуострова. Побывавший здесь хоть однажды знает: Баренцево море, «ласкающее» своими южными водами береговую линию, отнюдь не приветливое и не спокойное. Ледяные шторма зимой и осенью, длительностью до недели, мощнейшие ветра (силой до сорока метров в секунду) в акватории и на суше круглый год, даже коротким летом, делают передвижение в этих местах весьма проблематичным. Но ты всматриваешься в карту и видишь, что вдоль берегов этого некогда закрытого для посещения северного края цепочкой выстроились во множестве большие и малые острова. На ум приходит сравнение с флотилией разно-размерных судов, стоящих на постоянном рейде вдоль материкового берега. И возникает непреодолимое желание попасть на эти «суда»...

Берег Кольского полуострова в обиходе и во многих публикациях называют Мурманом. Делится он на восточный и западный по тому месту, где в море выносят свои воды крупные реки Кола и Тулома, да ещё с десяток мелких, образуя самый крупный залив — Кольский. Восточный Мурман с его прилегающими материковыми, островными и морскими территориями считается наиболее труднодоступным и по-настоящему диким местом России. Если говорить о береговой линии, то почти на всём протяжении она крута, скалиста и обрывиста. Высота обрывов достигает 100 м и более, понижаясь в направлении с запада на восток. Устья рек, впадающих здесь в море, напоминают фьорды. Есть очень мало мест, в основном в мелких бухточках и некоторых устьях рек, где имеются крошечные полоски песчаного пляжа. В глубине материковой части восточного Мурмана реки, спускаясь со скалистых плато, образуют извилистые каньоны, вбирая воды тысяч мелких озёр и болотистых образований.

Дорог здесь, конечно, нет никаких. Рыболовецкие артели, туристы-рыбаки и браконьеры используют вертолёты или в крайнем случае специальные, особо проходимые автомобили. На острова, понятное дело, на авто не доберёшься.

Вот они, корабли-острова!

Меня давно интересует Русский Север. За многолетний период поездок по Заполярью я побывал на всех островах Баренцева моря. Удивительно, несмотря на схожесть геологического образования, острова отличаются друг от друга как своим строением, так и биоразнообразием. Одной из жемчужин в островном ожерелье, охватывающем восточный Мурман, несомненно, является остров Харлов. Он входит в состав архипелага Семь островов, а пролив, разделяющий архипелаг и северный берег материка, называется Семиостровский Рейд. С вершины Харлова, его купола — это около 120 метров над уровнем моря, — в

хорошую погоду прекрасно видны шесть крупных «островов-кораблей»: Большой Зеленец и Малый Зеленец, Вешняк, Кувшин, Большой Лицкий и Малый Лицкий. →

Золотые ворота Харлова.

Всё-таки как же туда попасть? — думал я несколько лет назад, впервые осознав потребность побывать на Харлове. Ведь несмотря на кажущуюся близость от материкового берега, перебраться на остров почти невозможно, если говорить о «разумных» возможностях. Остаётся только проход морем на маломоторном судне, я бы даже сказал на очень маломоторном — на лодке.

Людей сближают цели, а события — обстоятельства, потому, найдя друг друга в первый раз в 2013 году, мы с коллегой отважились на морское путешествие длиной

в 40 дней. Ближайшее место, куда можно было добраться экспедиции на подготовленном автомобиле и откуда наиболее реально стартовать морской экспедиции, было устье большой реки Воронья. «Бывалые», а также сотрудники Кандалакшского заповедника, на территории которого находится архипелаг Семь островов, так и говорили, что морской проход до этих островов на резиновой лодке — мероприятие не для слабонервных. Но ведь охота пуще неволи!

Очевидно, что, собираясь в автономную экспедицию, как правило, с собой берёшь ВСЁ. Особенно провиант и его резерв на

Перед стартом.

случай непредвиденный. Но ограничение груза в лодке из армированного ПВХ связано и с безопасностью, и с быстроходностью судна. Задерживаться на маршруте переходов из одной точки в другую крайне нежелательно в связи с риском остаться в одной из них, если погода вдруг поменяется. А меняется она совершенно неожиданно. В настоящее время имеются международные морские прогностические ресурсы, на которые можно рассчитывать при планировании переходов, но иногда смена ветра бывает настолько стремительной, что приходится поворачивать обратно. В чём мы и убедились в первые часы выхода из устья Вороньи в открытое море — восточный ветер был настолько силен, что риск опрокидывания лодки реально навис над нами. Верным решением стало возвращение в устье реки и двухдневное ожидание смены ветра. →

*Птичьи базары
восточного
Мурмана.*

Вот примерно такими «галсами» мы переходили из одной губы в другую, по ходу заправляясь свежей пресной водой из знакомых нам мест — небольших речек. Кроме того, напряжённое и многочасовое управление моторной лодкой требовало отдыха её рулевого, поэтому общий переход на Харлов занял у нас почти три дня. Конечно, на каждой стоянке — разбивка лагеря, поэтому мы полностью разгружали груз лодки, а её вытаскивали на берег и «якорили». На Мурмане режим морских отливов-приливов нужно соблюдать очень

строго, если не хочешь попасть в неприятную ситуацию, когда лодка «обсохнет» так, что до кромки воды потом можно идти метров двести, или, наоборот, придётся плыть до неё, если «проспишь» прилив. Наиболее актуально это становится не в комфортных условиях песчаного пляжа, а у отвесных скал или каменного берега, где риск пропустить «приливную воду» чреват новой задержкой — придётся ждать повторения цикла длительностью 12 часов. Чтобы такого не происходило, и созданы специальные таблицы приливов-отливов для конкретных местностей, учитывающие рельеф их берегов. Ведь где-то перепады уровня воды могут быть под три метра! Мне, человеку сухопутному, пришлось постигать эту морскую науку.

Должен признаться: всякую задержку я как полевой фотограф использовал на сто процентов — уходил, и порой надолго, в горную тундру. Часто такие выходы ограничивались специальными сигналами, поступавшими от диких зверей. Совсем свежие следы бурого медведя рядом с лагерем бодрили как нельзя лучше, и, как следствие, — путешествие морем про-

Морской зайц.

должалось в экстренном режиме, благо бухточек, заливов и губ по берегу было предостаточно.

В результате, получив немалый опыт по безопасному сближению с каменистым берегом, быстрой высадке и слаженной работе по выгрузке оборудования и багажа, поя-

вилось второе дыхание. Морская вода, став неотъемлемой частью нашего пребывания в лодке, крепкой солью пропитала одежду и кожу; смена ветра уже регистрировалась «ушами» — чувствительность ко всякой перемене погоды стала максимальной; лица почернели от солнечной радиации, пальцы рук от постоянного напряжения превратились в стальные крюки; команды капитана угадывались с полуслова, а крепкий — под стать соли — и уместный по ситуации юмор стал неотъемлемой частью общения...

По ходу движения постоянно случались встречи с выпрыгивающими из воды китами — они будто демонстрировали нам свои верхние плавники; стремительные пролёты над лодкой чистиков, олушей, чаек, бакланов... Возле береговой линии нас частенько «атаковали» морские зайцы — любопытные, они подплывали в упор к лодке и смотрели на нас своими огромными глазами, словно вопрошая: кто это здесь так мотором шумит?

Не только от медведей приходилось спасаться на бивуаках. Северные олени как-то раз заставили нас ретироваться с очень живописного места. Находясь на свободном выпасе, олени, как правило, в своих переходах идут «на ветер» и в итоге оказываются на морском берегу (ветер

Нашествие оленей.

*Устье реки Рында с
остатком посёлка.*

чаще дует с моря). В этот раз олени оказались на «нашем берегу», неожиданно и тихо выйдя из кишасшей гнусом тундры. За стадом, примерно голов в четыреста, медленно перемещалось тёмное облачко биомассы — мошка и комары. Нам в лагере, у втекающего в море ручья с пресной и вкусной водой, и своих комаров хватало

с избытком, да и нестерпимый запах сотен тел животных мог привлечь сюда бурых медведей. Хорошо, что мы заранее успели заправиться свежей водой...

Проплывавшие перед нами урочища, бухты, губы и острова, названия которых произносил капитан, будили краеведческий интерес. История этого края уходит глубоко в древность, подтверждая это топонимически, связывая названия с деятельностью местного населения — лопарей. Но и новейшая история здесь на каждом шагу, черты её — военные объекты, закрытые и ещё действующие, расположенные на стратегически важных местах, на скалах и островных возвышенностях.

Ну и, конечно, бесконечные птичьи базары по пути всего следования. Не просто отдельные поселения птиц, а большие массивы гнездовых колоний, исчисляемых тысячами пар в немалом разнообразии видов. Семейство Чайковых представле-

Охота.

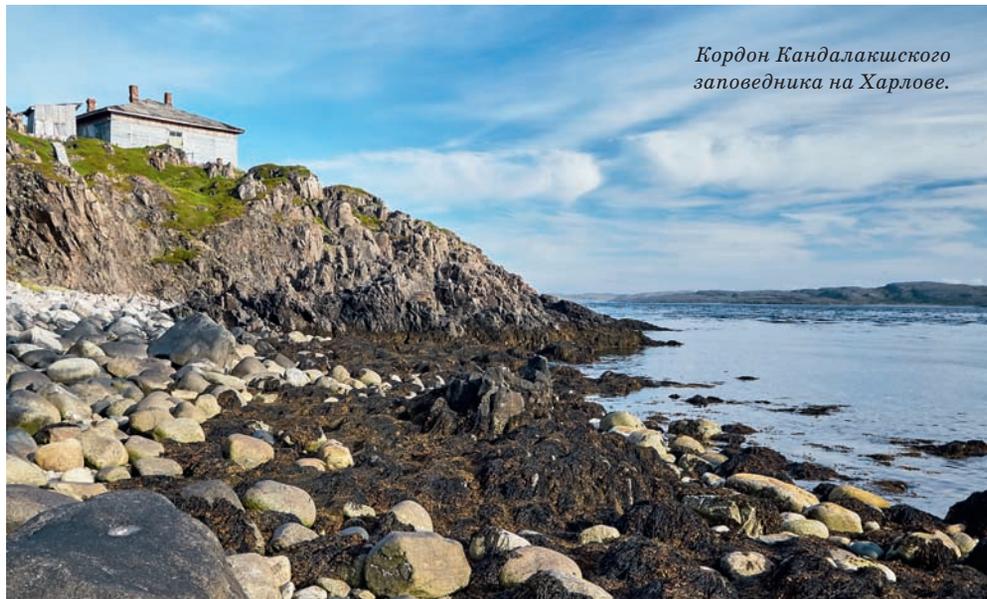

но морской чайкой, серебристой чайкой, чайкой-бургомистром и чайкой-моёвкой; семейство Чистиковых здесь — это кайры, тонкоклювая и толстоклювая, атлантический тупик, чистик и гагарка. Всё это разнообразие хорошо видно со стороны моря, причём количественно его можно учесть довольно точно, сфотографировав птичий базар и затем пересчитав его обитателей с допустимой погрешностью. Сойдя на берег и лишь немного углубившись в тундру, натыкаешься на представителей других птичьих семейств, численность которых не всегда доступна для учётов в силу огромных гнездовых территорий и малости числа орнитологов-учётчиков.

Здесь, на самом берегу, вольготно чувствуют себя лисы. Экономя свои энергетические ресурсы, эти сообразительные представители семейства Псовых устраивают свои логова и выводят потомство в непосредственной близости от птичьих базаров. Одну лисью семью я наблюдал во время отдыха в лагере, который мы случайно обустроили рядом с её «каменной» норой. Пятерых активных лисят их матери надо было кормить без перерыва. Она проходила мимо лагеря с независимым и деловым видом, поднималась по скальным полкам и очень быстро возвращалась

Колония чаек-моёвок.

Кордон Кандалакшского заповедника на Харлове.

с задуманным птенцом моёвки. Лисята поджидали её и, радостно кувыркаясь, принимались играть с принесённой добычей. Лисице явно не нравилось, что на пути её «кормного маршрута» появились двуногие, но поняв, что у них тоже есть свои заботы, она вынуждена была терпеть «соседей» до тех пор, пока мы не убрались восвояси.

Одним днём нас буквально «задуло» ветром в широкое устье реки Рында, где на месте бывшего одноимённого посёлка в единственном, добротном сохранившемся доме живут муж и жена. Ещё до революции здесь был рыбацкий посёлок, сёмгу вылавливали по три-четыре тонны в год,

Остатки батареи береговой обороны времён Великой Отечественной войны на острове Харлов.

а из Архангельска теплоход ходил сюда каждый день... Ныне осталось несколько полуразрушенных домиков, зияющих выбитыми окнами. Ощущение такое, что стоят они как в забытии, красуясь «слепотой», рассказывают о прошлом... Нас до отвала накормили свежим гольцом, напоили чаем с чабрецом. Ну и... «поговорить обо всём!» Для таких отшельников, нечасто встречающих путешественников, «поговорить» — лучшая благодарность. За бесконечными перекурами я сбегал посмотреть на перекаты реки (где «играет» рыбка, которую мы ели), по дороге вспугивая бесчисленных куликов и тундряных куропаток...

И снова в путь. Оставался последний переход до Харлова. Это придавало сил и желания.

Купол острова показался издали, до него мы шли ещё часа два. Хотя туман и скрывал детали, очертания высоченного зелёного массива, выносящего свои стены прямо из моря вертикально вверх, обещали показать нечто грандиозное. На фоне множества уже пройденных островов этот поражал своей кажущейся неприступностью и, я бы сказал, нежеланием принимать гостей. «Настоящий флагманский корабль» — подумалось мне. Строгий и величественный с одной стороны, красивый и гармонично сложенный, надёжно укутанный тёмно-зелёным одеялом вороничника (зарослей водяники) — с другой.

Чернозобик.

Тонкоклювые кайры.

Тундряная куропатка.

Большие поморники.

Краснозобые гагары.

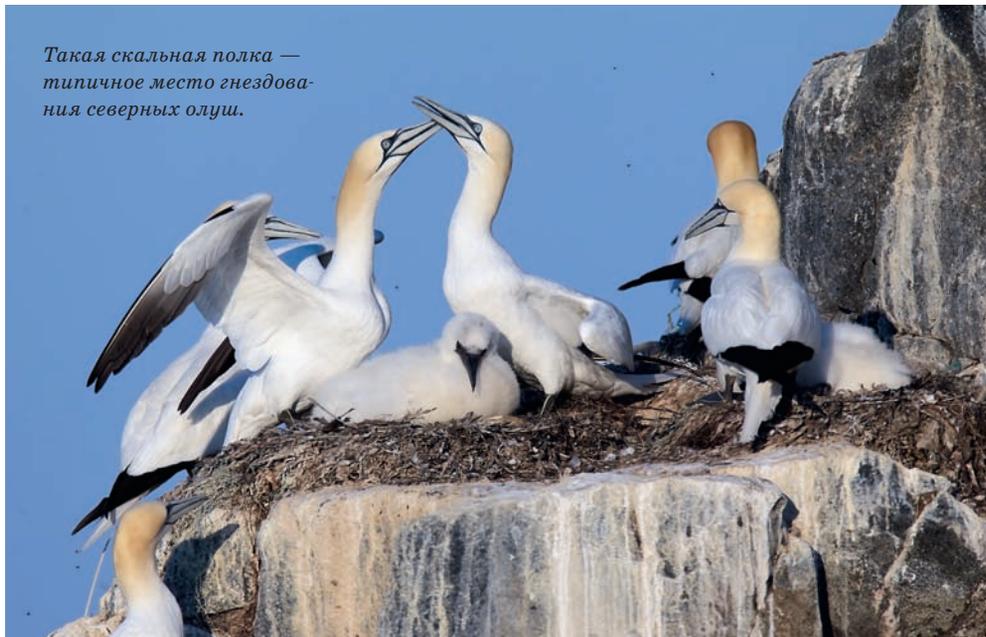
Мохноногий канюк, или зимняк.

Морские чайки.

*Такая скальная полка —
типичное место гнездова-
ния северных олуш.*

Если остров — это «корабль», то, чтоб взойти на него, нужен «пропуск» и «разрешение капитана», и вот мы уже медленно двигаемся вдоль внезапно открывшегося крупногалечного берега, подыскивая место для высадки. На самом деле с южной стороны острова место высадки всего одно, и оно под земляным уступом, на котором прочно высится кордон заповедника.

К берегу идёт небольшой накат (прибойная волна), но в этот раз мы справимся. Выскакиваю из лодки в море, прямо на скользкие, обросшие тонким слоем водорослей

*Подросший птенец под прикрытием
взрослых олуш.*

большие круглые валуны и тяну лодку за её фал к берегу. Высокие болотные сапоги на прибое всё-таки делают по глотку солёной харловской водицы. С прибытием!..

...После первого визита в 2013-м я побывал на Харлове ещё два раза — в 2018 и 2019 годах — и каждый раз после непростой высадки убеждался, что кордон можно было построить только там, где он стоит. Охранный пост появился здесь через год после придания семи островам восточного Мурмана статуса заповедных — в 1939-м. Трудности доступа были тогда точно такими же, как и ныне. Когда на Харлове в 1942-м заработала морская гидрометеорологическая станция, её так и называли — «Труднодоступная полярная станция "Остров Харлов"». 8 февраля 1986 года на ней была зафиксирована наибольшая скорость ветра в России — 187 км/ч (52 м/с). Просуществовала станция (как и посёлок Семиостровье) до 2009 года.

В 2013 году моё знакомство с Харловым было недолгим — всего несколько часов пребывания на острове (ошеломивших впечатлениями, я тогда поклялся себе приехать сюда ещё раз), и наша морская экспедиция продолжила свой путь дальше на восток, мимо остальных островов и чудесных бухт восточного Мурмана, вплоть до огромной, глубоко врезанной в материк бухты Ивановская...

И вот в 2018 году я выполнил данное себе обещание и потрудился целый месяц на Харлове вместе с сотрудником Кандалакшского заповедника Михаилом Мельниковым, к тому времени отработавшим на острове одиннадцать полноценных сезонов. То были по-настоящему счастливые дни общения с природой «затерянного мира» и настоящим профессионалом своего дела. Заброска на остров осуществлялась на этот раз по более стремительной схеме — из ближайшего населённого пункта Дальние Зеленцы (рассказ о котором заслуживает отдельного описания) на моторной лодке заповедника, без единой остановки на отдых. Способствовало этому удачное стечение многих обстоятельств, главным из которых была, конечно же, подходящая морская погода. Помню, как скрупулёзно мы высчитывали динамику «подхода» нужных нам ветров и, к счастью, не ошиблись.

Харлов — это место выведения потомства многими видами птиц, включая очень редких. Мне посчастливилось участвовать в их учётах и кольцевании. Я фиксировал поведение птиц, брачные игры, строительство гнёзд, вылупления птенцов и вывод их в «свет». Всё происходило из специального укрытия-скрадка, дабы никоим образом не помешать ходу естественного развития птичьих семей. При такой съёмке я всегда использую только сверхдлиннофокусную оптику, сводя на нет малейший фактор беспокойства.

Одним из объектов моих наблюдений оказалась северная олуша (*Morus bassanus*). Эта большая, красивая, очень изящная птица прилетает на гнездование не только в заполярные архипелаги Европы или Канады. Остров Харлов — единственное место в России, где северная олуша стала достоянием местной фауны. На полках и в ямках отвесных скал эти удивительные птицы вот уже довольно много лет (с 1996 года) образуют нашу, российскую гнездовую колонию. Однако динамика численности постоянно меняется, так как существует угроза для их успешного гнездования. Есть предположение, что большие «универсальные» хищники — белохвостые орланы (*Haliaeetus albicilla*) распознали в

От редакции. Ровно два года назад, в № 8, 2018 г., журнал рассказывал о птичьих базарах на Семи островах, но это другая история.

Орлан-белохвост.

потомстве колонии лёгкую добычу и потому с большой охотой прилетают на остров Харлов в гнездовой сезон. Подцепить уже подросшего и довольно крупного птенца северной олуши для орлана не представляет никакой трудности. Налетая на колонию, орланы провоцируют панику, заставляя взрослых олуш слетать с гнездовых площадок в открытое море. Оставшись одни, белоснежные «пуховики» попадают во власть морских разбойников.

Сердце наблюдателя, который становится свидетелем таких сцен, сжимается от жалости, но что поделаешь, вмешиваться в естественный процесс категорически запрещено.

Фото автора.

Верхняя колония северной олуши.

